

О Сен-Ламбертѣ и Лагарпѣ.

Французская Словесность лишилась вдругъ Сен-Ламберта и Лагарпа. Первый скончался на 85 году отъ рожденія. Онъ умеръ среди многочисленныхъ друзей своихъ; не имѣлъ горести пережить тѣхъ, которые составляли щастіе его жизни {Въ самомъ дѣлѣ рѣдкое благополучіе Г. Сен-Ламбертъ съ 28 лѣтъ имѣлъ сердечную связь съ Госпожею д'Удето, въ которую Ж. Ж. Руссо, былъ влюбленъ такъ страстно: она еще и теперь жива! -- К.}. *Мнѣнія* сего Автора, непоколебимыя отъ молодыхъ лѣтъ до старости, спасли его отъ гоненій, претерпѣнныхъ творцемъ *Филоклетта* и *Мелани* во время бѣдственной Революціи. И такъ не лзя сказать о Сен -Ламбертѣ:

Нещастливъ тотъ, кому Богъ долго жить даетъ!

Въ самое то время, когда Авторъ *Катихизиса общей Морали* засыпалъ тихимъ сномъ вѣчности среди всѣхъ утѣшеній философіи, Лагарпъ кончался среди всѣхъ утѣшеній Религіи. Съ однимъ въ минуту смерти были чувствительные люди, съ другимъ Богъ. Лагарпъ умеръ 11 февраля 1803 году, въ осьмомъ часу утра. Онъ до послѣдней минуты сохранилъ память, разсудокъ, и могъ чувствовать съ благодарностію всю милость Неба къ Христіянину: утѣшеніе, котораго не имѣлъ г. Сен-Ламбертъ, умирая только съ важнымъ спокойствіемъ философа! Лагарпъ показалъ великую твердость и самую искреннюю набожность за время своей долговременной болѣзни, и нѣсколько разъ слушалъ *молитвы умирающихъ*. Въ одну изъ сихъ минутъ видя пришедшаго къ нему Фонтана, онъ протянулъ къ нему изсохшую руку свою и сказалъ: "любезной другъ! благодарю Небо за то, что разумъ мой не затмился: я чувствую, какъ утѣшительна и прекрасна эта молитва!".... Вотъ послѣдній взоръ Христіанина и Литтератора (le dernier regard &c.)!

Его отпѣвали въ храмѣ Богоматери, Онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ оградѣ его, какъ будто бы желая укрыться отъ злобнаго міра въ сѣни храма Небесной Благости!.... Тѣ, которые видѣли останки сего знаменитаго Автора, заключенные въ тѣсномъ гробѣ, могли чувствовать ничтожность, Авторскаго величія, подобнаго всякому другому величію; но, къ щастію, Христіанинъ торжествуетъ смертію, и слава его начинается въ ту минуту, когда всякая другая слава умолкаетъ. -- Гробъ человѣка, который столь живо чувствовалъ красоты Писанія, давалъ еще болѣе силы Христіанскимъ молитвамъ объ усопшихъ. Сей гласъ, сіи восклицанія надежды: Requiem dabo tibi -- Expectabo, Domine, donec veniat immutatio mea; vocabis me, & ego respondebo tibi -- *Господь вѣщаетъ: успокою тебя -- Ожидаю, Господи, моего измѣненія; воззовешь меня, и буду Тебѣ отвѣтствовать -- о смерть! гдѣ твое жало? Настанетъ время, когда всѣ сущія въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія: сіи слова пророческія глубоко трогали сердца молящихся; и когда Священники запѣли: теперь они успокоились отъ трудовъ своихъ, глаза всѣхъ друзей Лагарповыхъ наполнились слезами.*

Изъ церкви повезли тѣло на Вожирарское кладбище. Тамъ поставили гробъ на краю могилы, и Г. Фонтанъ съ благородною простотою и съ чувствомъ, говорилъ намъ о своемъ усопшемъ другѣ. Голосъ разстроганнаго Оратора; снѣгъ, которой падалъ изъ облаковъ на гробныя пелены; вѣтеръ, которой развѣвалъ ихъ, какъ будто бы для того, чтобы мертвый слышалъ говорящаго друга: все сіе дѣйствовало вмѣстѣ и на сердце и на воображеніе....

Шатобріанъ.

"Вѣстникъ Европы". Часть VIII, 1803, No 8